

С.А. СУШКОВ, Ю.С. НЕБЫЛИЦИН, Е.Н. РЕУТСКАЯ, А.Н. РАК

ТРУДНЫЙ ПАЦИЕНТ РАНЕНИЕ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА. ЧАСТЬ 3

УО «Витебский государственный медицинский университет»,
Республика Беларусь

В третьей части статьи проводится анализ оказания помощи раненому во время Бородинского сражения князю П.И. Багратиону. На основании документов времен войны 1812 г., воспоминаний непосредственных участников и историков XIX века по этапам восстанавливаются события, происходившие после ранения. Знакомство с военной ситуацией во время Бородинского сражения, при отступлении русской армии до Москвы показало, что события на театре боевых действий оказывали существенное влияние на процесс оказания помощи князю П.И. Багратиону. Вследствие неблагоприятного положения, создавшегося в полосе 2-й Западной армии на Бородинском поле, быстрого отступления русской армии от Можайска, а также тяжелого состояния полководца, в первые 48 часов врачи не смогли выполнить полноценную первичную хирургическую обработку раны.

Необходимость быстрой эвакуации князя П.И. Багратиона из Москвы не позволила своевременно выполнить вторичную обработку раны при развитии околораневой флегмоны. Дальнейшее прогрессирование инфекционного процесса сопровождалось присоединением гнилостной инфекции. Отказ П.И. Багратиона от предложенного оперативного вмешательства привел к развитию остеомиелита, сепсиса и анаэробной инфекции. Расширение раны, которое разрешил выполнить П.И. Багратион по прибытию в Симы, ничего не могло изменить. Ампутация на следующий день была бессмысленна, не давала ни малейшего шанса на выздоровление. Она только усугубила бы страдания полководца. Причиной смерти являлись генерализация инфекционного процесса, присоединение анаэробной инфекции, длительная выраженная интоксикация.

Врачи, лечившие П.И. Багратиона, добросовестно выполняли свои обязанности и проводили лечение в соответствии с принятыми в тот период принципами и сообразуя их со складывающейся ситуацией. Однако неблагоприятное военное положение на театре боевых действий и категорические отказы П.И. Багратиона от оперативных вмешательств не позволили врачам реализовать все имеющиеся возможности.

Ключевые слова: история военно-полевой хирургии, Бородинское сражение, ранение Петра Ивановича Багратиона, оказание медицинской помощи

The analysis of medical aid rendering to Prince P.I. Bagration wounded during Battle of Borodino has been carried out in the third part. Basing on the documents of the Patriotic War of 1812 as well as memoirs of direct participants and historians of the XIX century the events occurring after injury were restored in stages. Analysis of the military situation at the Battle of Borodino during the retreat of the Russian army up to Moscow showed that the events in the theater of military actions had a significant impact on the process of helping to Prince P.I. Bagration. Due to the unfavorable situation created in the band of the 2nd Western army at Borodino the rapid retreat of the Russian army from Mozhaïsk as well as the severe state of the commander the physicians could not make a complete initial wound debridement within the first 48 hours.

The necessity of rapid evacuation of Prince P.I. Bagration from Moscow has prevented the timely implementation of secondary wound treatment at the development of phlegmon around the wound. Further progression of the infection process was followed by addition of putrid infection. Refusal of P.I. Bagration on the proposed surgical intervention led to the development of osteomyelitis, sepsis and anaerobic infection.

Expansion of the wound which P.I. Bagration permitted to perform on arrival at Simi could not change anything. On the next day to perform amputation without any slight chance of recovery was meaningless, it would only exacerbate the suffering of the commander. The cause of death was generalization of infection, accession of the anaerobic infection, prolonged severe intoxication.

Physicians who treated P.I. Bagration performed their duties scrupulously and treated the patient in accordance with the principles in that period and adapted to the evolving situation.

However unfavorable military situation in the theater of military actions and categorical denials of P.I. Bagration from operation did not allow physicians to realize all the possibilities.

Keywords: history of military field surgery, Battle of Borodino, wound of Pyotr Ivanovich Bagration, medical aid rendering

Novosti Khirurgii. 2013 Mar-Apr; Vol 21 (2): 3-20

Difficult patient. Wound of Pyotr Ivanovich Bagration. Part III

S.A. Sushkou, Yu.S. Nebylitsin, E.N. Reutskaya, A.N. Rak

Введение

Была ли рана Багратиона смертельной?

Такой вопрос задавали многие исследователи, изучавшие обстоятельства ранения и смерти князя П.И. Багратиона [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7].

Следует признать, что ранение, полученное во время Бородинского сражения П.И. Багратионом, не было смертельным. Осколочное ранение голени, даже с повреждением одной из берцовых костей, не представляло непосредственную угрозу для жизни полководца.

Как было показано во второй части нашей работы [8], П.И. Багратиона лечили квалифицированные врачи. Уже к войне 1812 г. в русской военно-полевой хирургии сложилась стройная система оказания помощи раненым. Кроме того, русские военные врачи, несмотря на отсутствие методов асептики и антисептики, эффективного обезболивания, умели успешно лечить аналогичные и более тяжелые огнестрельные ранения, что позволило многим генералам, офицерам и рядовым не только выжить, но и даже вернуться на воинскую службу. Так что же произошло? Почему ситуация в случае ранения князя П.И. Багратиона развивалась в неблагоприятном направлении? Почему события закончились трагически?

Знакомство с современной тематической литературой показало, что большинство авторов, излагая материал, стремились найти ошибки в действиях врачей и показать, что именно они привели к неблагоприятному исходу. При этом мы обратили внимание на то, что практически во всех работах история ранения П.И. Багратиона освещается как-то изолированно. Авторы хронологически по дням восстанавливали все переезды полководца, появление тех или иных симптомов и действия врачей. Однако при этом никак не учитывали события, которые происходили вокруг раненого полководца. Как будто не было жуткого сражения на Бородинском поле, вынужденного быстрого отступления русской армии, стремительного захвата Москвы Наполеоном и других менее известных, но важных событий. Может, именно анализ военной ситуации складывающейся в те дни, позволит, если не найти ответы, то хотя бы понять, что оказало существенное влияние на тактику лечения.

В первой части работы мы уже подробно, опираясь на воспоминания Якова Ивановича Говорова [9], описывали течение заболевания и проведенные лечебные мероприятия [10]. Однако, учитывая, что существует мнение о некоторой субъективности изложения Я.И. Говоровым происшедших событий [1, 5], попробуем, используя, в том числе и другие источники, восстановить в хронологическом порядке историю ранения П.И. Багратиона и события, происшедшие в те семнадцать дней, которые прожил полководец. Причем, в первую очередь, будем опираться не на со-

временные работы, а на опубликованные документы времен войны 1812 г., послевоенные воспоминания непосредственных участников событий и историков XIX века, и, в частности на врачебное донесение о последних днях жизни П.И. Багратиона. Оно было подписано Я.И. Говоровым, Ф.А. Гильдебрантом, И.И. Гангартом, и являлось приложением к рапорту начальника штаба 2-й Западной армии, генерал-майора, графа Э.Ф. Сен-При Александру I от 14 сентября о смерти и захоронении П.И. Багратиона [11].

Врачебное донесение впервые было опубликовано в 1910 г. в «Журнале Русского Военно-исторического общества» (Кн. 5) в статье А. Писанко «Последняя болезнь Багратиона», а в начале 50-х годов XX века подлинник был найден советскими историками в Центральном военно-историческом архиве среди второстепенных бумаг [6]. Обнаружение этого документа позволило исправить некоторые заблуждения и путаницу, которые тиражировались в литературе первой половины XX века, но, к сожалению, заимствуются и некоторыми современными авторами.

Выбранный подход, на наш взгляд, может отойти от некоторых стереотипов, сложившихся к настоящему времени.

Бородино

П.И. Багратион получает ранение около полудня во время контратаки в районе Семеновских флешей. В этот момент он был верхом на лошади несколько позади первой линии контратакующих, приблизительно на расстоянии 50-100 метров восточнее средней Семеновской флешки (рис. 1) [12, 13, 14].

Окружающие офицеры поняли, что полководец ранен в тот момент, когда он, потеряв сознание, начал валиться с лошади. П.И. Багратиона подхватили, не дав упасть, и усадили на землю. Только тогда заметили кровь, вытекающую из небольшого отверстия в голенище левого сапога князя. В это время раненый полководец находился среди идущих в атаку русских войск, под интенсивным ружейным и артиллерийским обстрелом сдерживающих контратаку французов. Что творилось там, можно представить, оценив несколько фактов. Небольшой участок поля битвы в этот момент обстреливался 400 французскими и 300 русскими орудиями [15]. Причем ситуация быстро менялась и артиллерия с обеих сторон, не успев провести корректировку, иногда по несколько минут обстреливала своих [15]. Следует добавить, что сражение за флешки длилось

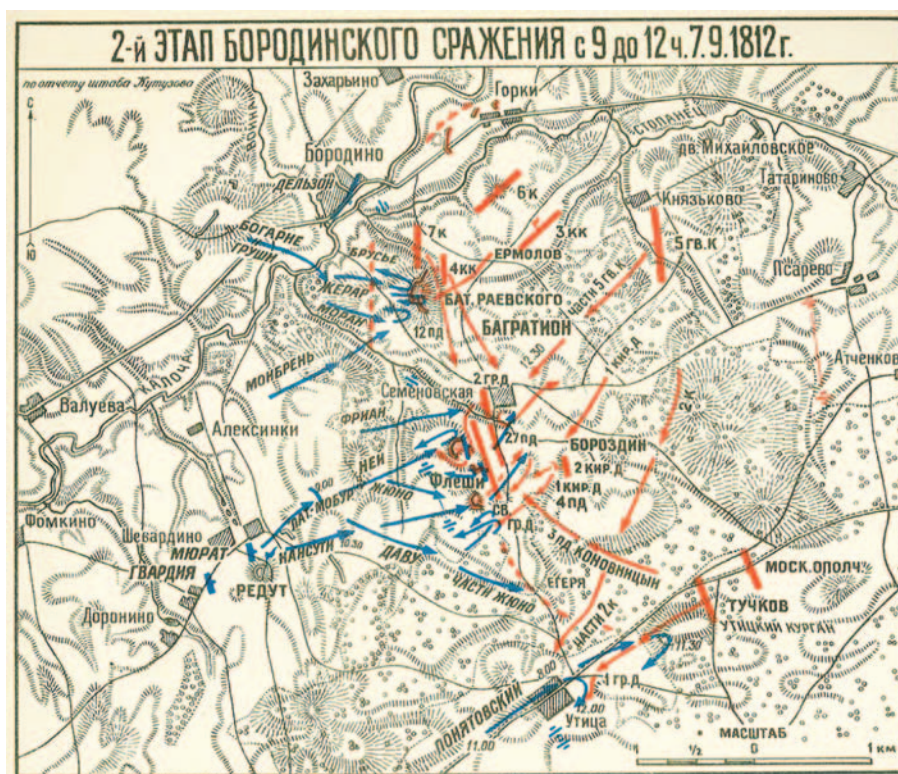

Рис. 1. Карта Бородинского сражения [12]

практически с начала битвы, т.е. в течение 5 часов. Их упорно штурмовали войска лучших наполеоновских маршалов: 1-й пехотный корпус Л.-Н. Даву, 3-й пехотный корпус М. Нея, резервная кавалерия короля Неаполитанского И.-Н. Мюрата. Русские войска, в свою очередь, упорно защищались, потери с обеих сторон были просто огромными. Так 2-я сводная гренадерская дивизия генерал-майора М.С. Воронцова, принявшая первый удар французов, была истреблена практически полностью. Смята, понесла серьезные потери и 27-пехотная дивизия генерал-майора Д.П. Неверовского. Картина к моменту ранения Багратиона, по мнению очевидцев, была ужасная. Все на флешах и вокруг их было усыпано телами убитых и раненых, лошади из-под убитых всадников бегали табунами. И в этой ситуации П.И. Багратиона выносят с линии сражения к «подшве Семеновской высоты» [16], которая находилась на восточной стороне семеновского оврага южнее деревни Семеновская. Здесь располагались русские артиллерийские батареи. Расстояние, которое пришлось преодолеть от места ранения, составляет приблизительно 400-500 метров. Можно предположить, что окружению полководца потребовалось в той обстановке на вынос П.И. Багратиона не менее 15-20 минут.

После того как полководца вынесли за семеновский овраг, его уложили у подошвы

пригорка и начали искать врача. Еще за несколько часов до ранения личного врача П.И. Багратиона Главного медика 2-й Западной армии И.И. Гангарта контузило, и он был эвакуирован в Можайск.

Можно предположить, что в тот момент найти врача было не так просто, т.к. дивизии М.С. Воронцова и Д.П. Неверовского, сражавшиеся на этом участке, были практически уничтожены, а их полковые перевязочные пункты исходно располагались в районе флешей, т.е. впереди от места, куда в тот момент был вынесен П.И. Багратион. Но уже к этому времени М.И. Кутузов, опасаясь за ситуацию на левом фланге, начал в бой вводить гвардию. К деревне Семеновская были выдвинуты лейб-гвардии Финляндский, Измайловский и Литовский полки из 5 гвардейского пехотного корпуса. Они еще не успели вступить в бой, и врача нашли в ближайшем Литовском полку, выстраивающемся юго-восточней села.

Прибывший к раненому полководцу, Я.И. Говоров сделал первую перевязку. Увидев небольшое раневое отверстие, исследовал его зондом и заподозрил повреждение берцовой кости [9]. Интенсивного кровотечения уже не было, и врач наложил «простую» повязку. Вторую перевязку вскоре выполнил Я.В. Виллие. Он «...вторично рассмотрел, очистил, перевязал рану» [9]. Необходимо отметить, что по источникам XIX века четко не прослежива-

ются места, где производили перевязки Я.И. Говоров и Я.В. Виллие. Современные авторы указывают, что сначала П.И. Багратион был перенесен на перевязочный пункт Литовского полка [1, 2, 4, 5], а Я.В. Виллие осматривал полководца в перевязочном пункте, расположенном в районе Псаревского леса [1]. Утверждения по поводу первой перевязки на перевязочном пункте Литовского полка, скорее всего, сохраняющееся заблуждение. Я.И. Говоров четко указывает, что он первым явился к раненому полководцу [9], т.е. не к нему на перевязочный пункт принесли раненого, а он прибыл к Багратиону. Поэтому, скорее всего, офицеры свиты полководца, найдя врача, не теряя времени, привели его к раненому. Для элементарного исследования раны и наложения повязки, что и сделал Я.И. Говоров, абсолютно не было необходимо переносить раненого с неперевязанной кровотокающей раной на перевязочный пункт полка. Не было и смысла его туда доставлять и после уже произведенной перевязки. А вот мнение М. Давыдова [1] о том, что перевязку Я.В. Виллие выполнял на медицинском пункте в районе Псареве, представляется наиболее вероятным. В соответствии с «Положением о развозных и подвижных госпиталях армии» предусматривалось во время сражений развертывание за линиями действующих армий трех развозных госпиталей, в которые должны были направляться раненые с перевязочных пунктов. 1-й госпиталь, находившийся за фронтом армии, именовался центральным, два других, располагавшихся за флангами — фланговыми [17]. Во время Бородинского сражения развозные госпитали располагались в районе деревень двор Михайловское, Князьково, Псареве [18] (рис. 1). Находившейся около Псареве, был левофланговым, туда и направляли раненых из частей 2-й Западной армии. Кроме того, от деревни Семеновская до Псареве была прямая проселочная дорога. Расстояние между ними приблизительно около 3 км, а отсюда можно было сразу попасть на Новую Смоленскую дорогу, ведущую в Можайск. Именно этим кратчайшим путем и должны были вывозить Багратиона.

Подтверждением того, что вторая перевязка выполнялась в развозном госпитале, может быть воспоминание офицера Ольферьева, сопровождавшего раненого князя Багратиона на перевязочный пункт. Он писал в письме сестре: «...легче пробыть шесть часов в бою, нежели шесть минут на перевязочном пункте. Кругом лужи крови, то красной теплой, то черной и уже застывающей. Тысячи стон

подымаются к небу. Лекари работают, сбросив сюртуки, подвязав передники и засучив рукава до локтей» [19]. К моменту ранения полководца Литовский полк только прибыл из резерва к деревне Семеновская, и еще не вступил в бой. На его полковом пункте не было большого количества раненых. Поэтому описание Ольферьева, наиболее вероятно, относится к перевязочному пункту, скорее всего левофлангового развозного госпиталя, расположенного в Псаревском лесу.

Для того чтобы понять, а может быть почувствовать атмосферу перевязочных пунктов развозных госпиталей во время сражения, на один из которых доставили П.И. Багратиона, приведем несколько воспоминаний очевидцев. Ополченец Ю.Н. Бартенев в своем письме представил следующую картину: «Перевязочный пункт состоял из трех раскинутых, с завороченными полами палаток на краю березняка... Вокруг палаток, больше чем на две десятины места, лежали, сидели, стояли окровавленные люди в различных одеждах. Вокруг раненых... стояли толпы солдат-носильщиков... Из палаток слышались то громкие, злые вопли, то жалобные стенания...» [18].

Адъютант генерала М.А. Милорадовича Ф.Н. Глинка так описал увиденное на перевязочном пункте: «Сколько потоков крови! Сколько тысяч тел!... На месте, где перевязывали раны, — лужи крови не иссыхали. Никогда не видел я таких ужасных ран. Разбитые головы, оторванные ноги и разможенные руки до плеч. Те, которые несли раненых (санитары) облиты были с головы до ног кровью своих товарищей» [16]. Вот еще одно свидетельство очевидца, которому пришлось наблюдать за работой лекарей. «Резатели обмыли рану, из которой клочьями висело мясо и виден был острый кусок кости. Оператор вынул из ящичка кривой нож, засучил рукава по локоть, потом тихонько приблизился к поврежденной руке, схватил ее и так ловко повернул ножом выше ключев, что они мигом отпали. Тутолмин вскрикнул и стал охать; хирурги заговорили, чтобы шумом своим заглушить его, и с крючками в руках бросились ловить жилки из свежего мяса руки; они их вытянули и держали, между тем оператор стал пилить кость. Это причиняло, видно, ужасную боль: Тутолмин, вздрагивая, стонал и, терпя мучение, казался изнеможенным до обморока; его часто вспрыскивали холодной водою и давили ему нюхать спирт. Отпиливши кость, они подобрали жилки в один узелок и затянули отрезанное место натуральной кожей, которая для этого была оставлена и отворочена; потом зашили ее шел-

ком, приложили компресс, увязали бинтами — и тем кончилась операция» [20]. Приблизительно в таких условиях и производил вторую перевязку Я.В. Виллие.

Если обобщить мнение многих авторов [1, 2, 4, 5, 6], то основные претензии к Я.И. Говорову и Я.В. Виллие по оказанию помощи П.И. Багратиону 7 сентября (26 августа) непосредственно на Бородинском поле сводятся к следующему:

- тяжесть ранения была не дооценена;
- не была произведена хирургическая обработка в объеме, принятом в то время, врачи ограничились осмотром, ревизией раны и наложением простых повязок;
- раненая конечность не была иммобилизована, что привело в последующем к превращению «несовершенного перелома» в «совершенный».

Насколько они обоснованы?

Я.И. Говоров изначально при первой перевязке определил, что «рана его была тяжела..» и «она сопряжена с повреждением берцовой кости..» [9]. Я.В. Виллие при второй перевязке «рану несколько расширил и вынул из оной малой отломок кости» [6]. Очевидно, врачи понимали, что ранение сложное, сопровождается повреждением кости. Такие ранения и в настоящее время, не то, что в 1812 г, считаются сложными.

Общее состояние полководца также было тяжелым. По свидетельству очевидцев [16] и того же Я.И. Говорова [9], сразу после ранения еще до выноса к «семеновской подошве», П.И. Багратион потерял много крови. По расчетам М. Давыдова, кровопотеря составила до 1000 мл [1]. Трудно понять, на основании каких данных автором были сделаны такие расчеты, но, если исходить из принятых ориентировочных объемов кровопотери при переломах костей голени, она действительно могла составлять 500-1500 мл, т.е. в среднем 1000 мл или до 15-25% ОЦК, что соответствует средней степени кровопотери.

Если внимательно прочитать отрывочные описания участников сражения, видевших П.И. Багратиона в разные моменты после ранения, то вырисовывается следующая картина. На месте ранения, в первые минуты, полководец теряет сознание, очевидно из-за выраженного болевого синдрома, т.к. объяснить коллапсом вследствие кровотечения в этот момент еще нельзя. После выноса к «семеновской подошве» он возбужден, пытается продолжать руководить боем. Затем при перевязке и эвакуации в тыл угнетен и заторможен. Очевидно — это классическая картина травматического

шока, с четкими клиническими проявлениями эректильной и торпидной фаз. Развитие травматического шока не могли не заметить Я.И. Говоров и Я.В. Виллие, клинику его они, как военные хирурги, знали отлично.

На наш взгляд, к действиям Я.И. Говорова в этот день, вообще претензий предъявлять нельзя. Он выполнил все, что предписывалось сделать полковому лекарю. В соответствии с дренажной эвакуационной системой, функции полковых врачей были следующими: первичная перевязка всех раненых, остановка угрожающего кровотечения, эвакуация в развозные госпитали [18]. Никаких операций им выполнять не предписывалось, да и не было условий. Для выполнения иммобилизации у полковых врачей не было никаких приспособлений. Во время второй перевязки Я.И. Говоров был только наблюдателем и вряд ли мог повлиять на действия и решения Я.В. Виллие.

По поводу действий Я.В. Виллие вопрос сложнее, тем более, к нему предъявляется более серьезная претензия — он не только сам допустил фатальную ошибку, но и создал своими действиями предпосылки для последующих ошибок врачей [1, 5].

В своем «Кратком наставлении о важнейших хирургических операциях», которым пользовались военные лекари в то время, Я. В. Виллие, говоря о «лечении ран, нанесенных огнестрельными орудиями», пишет: «Раны сии не излечиваются одним соединением и, имея малое отверстие, бывают всегда с ушибом и разпириением частей. Следствием чего бывают излияния крови под кожей, нечувствительность, воспаление, антонов огонь и нагноение; после нескольких дней мгновенное кровотечение, показывающее, что важные сосуды повреждены, всегда угрожает опасностью» [21]. Он сам рекомендовал: «1. производи скальпелем расширение отверстий раны при входе и выходе. 2. буде нужно, производи противоотверстия, иногда длинные и глубокие, соразмерно величине члена, глубине, суживанию раны и отстоянию одного отверстия от другого». «Противоотверстия» нужны были «для споспешествования выхождению или извлечению из ран инородных тел и отломков костей, Для удобнейшего перевязывания артерий, для укрощения сильного воспаления, для ускорения нагноения и для способствования выхождению гноя и отделению помертвевших частей» [21]. Так почему Я. В. Виллие, разработавший данные рекомендации и требовавший строго их исполнения военными лекарями, в случае с П.И. Багратионом сам их не выполняет? Очевидно, у него были серьезные основания при

оказании помощи полководцу поступить совсем по-другому.

Могли быть две причины такого поведения именитого хирурга. Первая, медицинская, — тяжелое состояние пациента, которое не позволило выполнить вмешательство. Вторая — военная ситуация, складывающаяся в тот момент на поле боя.

Как уже отмечалось, состояние раненого князя было тяжелым. Некомпенсированная кровопотеря, развившийся травматический шок являлись серьезными основаниями для минимизации объема лечебных мероприятий. Попытка произвести хирургическую обработку только усугубила бы состояние князя и могла бы привести уже к неблагоприятному исходу прямо на Бородинском поле.

Попробуем рассмотреть некоторые военные аспекты, определившие условия, в которых оказывалась помощь П.И. Багратиону. Приблизительно полководец после ранения должен был находиться на Бородинском поле около 1,5 часов. Вынос от места ранения до «семеновской подошвы», поиски врача, первая перевязка, транспортировка до развозного госпиталя в районе Псарево (около 2 километров), вторая перевязка не могли занять меньше время. Что же происходило в этот период на поле сражения?

Момент ранения князя П.И. Багратиона и ближайшее время после него являлись критическим моментом всей Бородинской битвы. По плану Наполеона, основной удар наносился по левому флангу русской армии, а точнее, в районе семеновских флешей и высоты севернее деревни Семеновская (батарея Раевского). Поражение войск 2-й Западной армии на этом участке позволяло в дальнейшем зайти во фланг и тыл 1-й Западной армии и завершить разгром всей русской армии. Именно поэтому с раннего утра 1-й корпус Л.-Н. Даву, 3-й корпус М. Нея и кавалерия И.-Н. Мюрата непрерывно штурмовали семеновские флеши. Кроме того, на семеновские флеши нацеливался 5-й польский корпус князя Ю.А. Понятовского, который должен был наносить удар по 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенанта П.П. Коновицина от Старой Смоленской дороги у деревни Утица. Через пять часов ожесточенного противостояния, к полудню, Наполеон был близок к успешной реализации первого этапа своего плана. В районе семеновских флешей были практически полностью уничтожены дивизии М.С. Воронцова и Д.П. Неверовского. Передвинутая с левого фланга 3-я пехотная дивизия П.П. Коновицина в очередной раз отбила у французов захваченные

флеши. Однако в бой вступает направленная Наполеоном из резерва свежая 2-я пехотная дивизия Л. Фриана. Именно в этот момент и возглавляет контратаку лично П.И. Багратион. Полководец получает ранение, атака захлебывается. Следует отметить, что успели вынести полководца к «семеновской подошве» своевременно. В результате новой атаки, под руководством генерал-лейтенанта М.М. Бороздина-1 флеши удается вернуть. Однако успех был кратковременным. Проведя новую атаку, французы окончательно овладевают укреплениями. Остатки войск, оборонявших Семеновские высоты, вынуждены были отступить за семеновский овраг под прикрытие батарей и прибывших из резерва гвардейских полков. Маршалы М. Ней и Л.-Н. Даву, воодушевленные, наконец достигнутым успехом, выдвигают к краю оврага артиллерию. Русские войска, находившиеся южнее Семеновской, попадают под смертоносный перекрестный огонь. После проведенной артподготовки И.-Н. Мюрат, по согласованию с М. Неем, бросает в атаку огромную массу кавалерии (рис. 2). По воспоминаниям участников сражения, земля задрожала под тысячами всадников. Удары французской кавалерии были настолько стремительными и мощными, что драгуны 4-го кавалерийского корпуса генерал-майора К.К. Сиверса и кирасиры 2-й кирасирской дивизии генерал-майора И.М. Дуки никак не смогли сдержать натиск легкой кавалерии дивизионного генерала Э. Нансути и латников дивизионного генерала М. Латур-Мобура. Измайловский и Литовский полки на какое-то время оказались окруженными, им пришлось срочно строиться в шесть каре, в одном из которых вынужден был скрываться сам П.П. Коновицин. Кавалерийские атаки сменяли одну за другой. Потери были огромными. Литовский гвардейский полк из 1740 человек за час потерял 956. П.П. Коновицын впоследствии писал: «Раненых и убитых много... Тучков ранен в грудь. Тучков Александр убит... У Ушакова оторвана нога. Дризен ранен. Рихтер тоже... Дивизии моей почти нет... Едва ли тысячу человек сочтут» [22]. К слову, 3-я пехотная дивизия, сформированная в 1811 г. в восточных белорусских землях, была полностью укомплектована рекрутами из Витебской губернии.

Положение 2-й Западной армии осложнилось в тот момент еще практически отсутствием единого командования. Одновременно с ранением П.И. Багратиона получил тяжелую контузию и выбыл из строя начальник главного штаба 2-й Западной армии генерал-майор Э.Ф. Сен-При. Командование частями 2-й

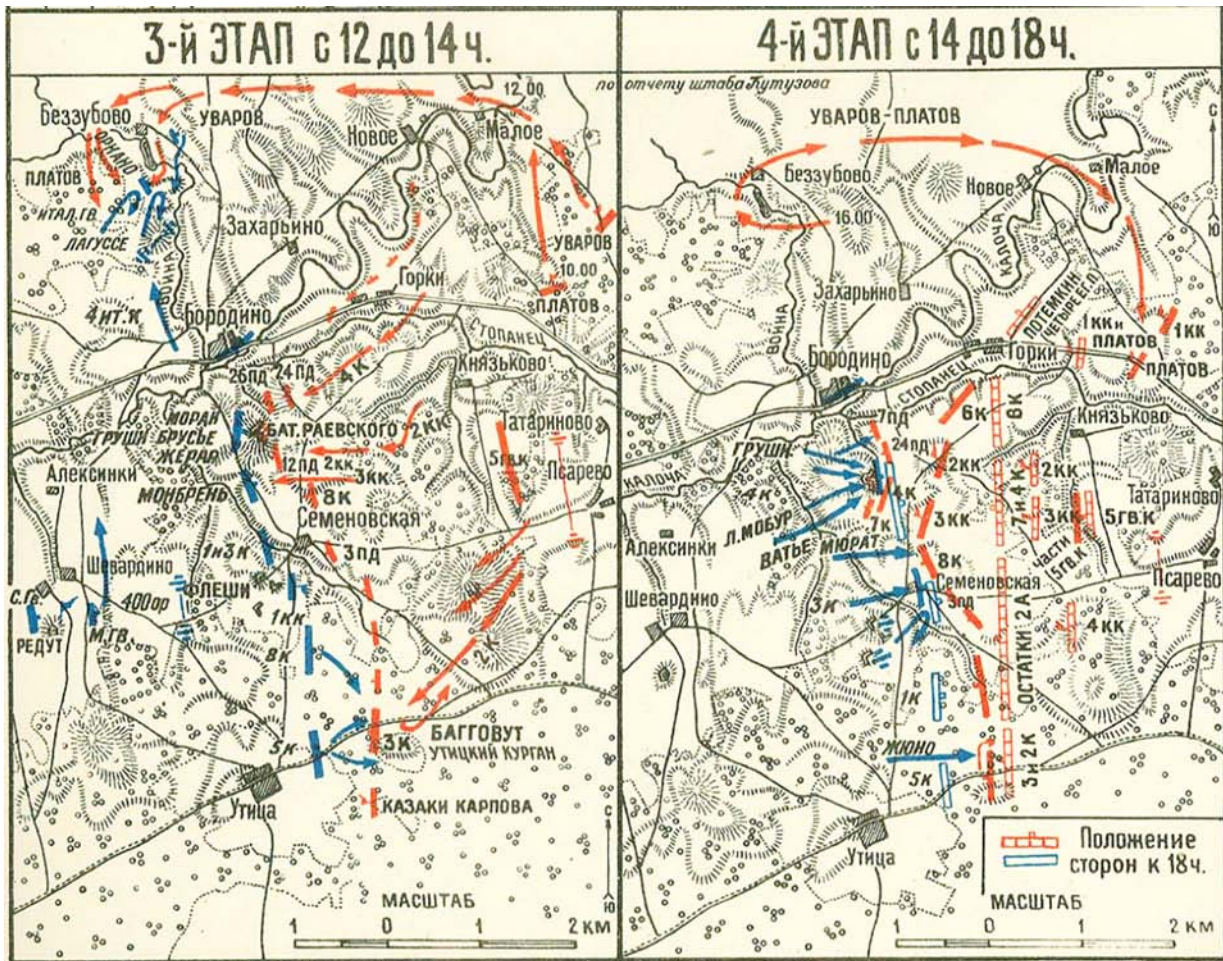

Рис. 2. Карта Бородинского сражения (3 и 4 этапы) [12]

армии формально, по старшинству, перешло к генералу-лейтенанту Н.Н. Раевскому, но в это же время французы штурмовали батареи Раевского, которые защищал его 7-й пехотный корпус. Поэтому он никак не мог взять на себя командование армией. М.И. Кутузов сначала назначает командующим 2-й армией герцога А.Ф. Вюртембергского, но потом быстро меняет решение и поручает вступить в командование генералу Д.С. Дохтурову. Однако он в это время находится в своем 6-м корпусе, расположенном севернее, между курганной батареей Раевского и селом Горки. Поэтому какое-то время старшим в войсках, в районе Семеновская остается командир 3-й пехотной дивизии П.П. Коновницын.

Ситуация в зоне действия 2-й Западной армии уже становится не просто критической, а предкатастрофической. Подавляющее количество частей, включая гвардейские, прибывшие из резерва, понесли серьезные потери, из строя выбыло высшее командование, собственных армейских резервов уже не осталось, спешно перебрасываемый по приказу командующего 1-й Западной армии М.Б. Барклай-де-Толли с

крайнего правого фланга 2-й пехотный корпус генерала-лейтенанта К.Ф. Багговута еще в пути. Кроме того, к этому времени корпус Ю.А. Понятовского выбил 3-й пехотный корпус Н.А. Тучкова-1 из села Утица и взял Утицкий курган на крайнем левом фланге русской армии. Вообще, к этому моменту оставшиеся войска 2-й Западной армии готовы были умереть, но уже не были готовы самостоятельно сдерживать очередной натиск противника. О катастрофичности ситуации в этот период свидетельствует и то, что здесь побывало практически все высшее командование русской армии: командующий 1-й Западной армией М.Б. Барклай-де-Толли, начальник штаба 1-й Западной армии генерал-лейтенант А.П. Ермолов, генерал-квартирмейстер 1-й Западной армии К.Ф. Толь, командующий правым крылом 1-й Западной армии генерал М.А. Милорадович и др. Вот несколько их воспоминаний. А.П. Ермолов об увиденном: «Около полудня 2-я армия была в таком состоянии, что некоторые части ее, не иначе как отдавая на выстрел, возможно было привести в порядок» [15]. М.Б. Барклай-де-Толли писал: «Вторая

армия, по отсутствию раненого князя Багратиона и многих генералов, была опрокинута в величайшем расстройстве, все укрепления с частью батарей достались неприятелю. .. Пехота была рассеяна в мелких кучках, остановленных уже у главной квартиры на Можайской дороге; три гвардейских полка отступили в изрядном устройстве и приближались к прочим гвардейским полкам» [12]. Русское командование предпринимало все меры, чтобы исправить сложившуюся ситуацию. Но никто в тот момент не знал, что предпримет здесь дальше Наполеон, у которого еще не вступала в бой вся гвардия. Он уже выдвинул на этом участке вперед дивизию Молодой гвардии генерала Роге. Если бы французское командование решило наступать в восточном направлении, то они бы выходили на Псареву, и далее на Новую Смоленскую дорогу, перекрывая пути отхода русской армии на Можайск. До Псаревского леса, где располагался левофланговый развозной госпиталь, оставалось менее 2 километров, а на их пути только разрозненные остатки частей 2-й Западной армии. В этой ситуации, при желании командования, французская кавалерия могла преодолеть такое расстояние без особых затруднений. Это потом стало известно, что Наполеон остановил Молодую гвардию у Каменки, а маршалы М. Ней, Л.-Н. Даву, И.-Н. Мюрат, войска которых понесли также тяжелые потери, посчитали невозможным без подкрепления продолжать дальнейшее наступление. Но во время сражения об этом еще никто не знал.

Что в этой ситуации должен был делать Я.В. Виллие? Пациент в тяжелом состоянии: травматический шок, выраженная кровопотеря, существует реальная угроза прорыва французских войск. Проводить предписанное наставлением вмешательство, которое, выполняемое без анестезии, может резко усугубить состояние П.И. Багратиона, и его будет невозможно дальше эвакуировать. Да, хирурги выполняли эти операции раненым русским офицерам и рядовым, но, в случае наступления противника, они могли просто оставить прооперированных в расчете на то, что те получат дальнейшую помощь от французов. Могла ли быть такая ситуация с П.И. Багратионом? Категорично нет! Пленение, а оно было реальным, исходя из военной ситуации, одного из главнокомандующих, даже раненого, было бы серьезным моральным поражением русских. И этого никто не мог допустить. Скорее всего, поэтому Я.В. Виллие и ограничился минимальным объемом, провел повторную ревизию и просто перевязал рану. П.И. Багратиона

нужно было срочно увозить из опасной зоны, что и было сделано.

И все же Я.В. Виллие и Я.И. Говоров допустили ошибку, которую необходимо отметить. Знание о ней позволит понять тактику врачей, которой они придерживались в последующие несколько дней. Я.В. Виллие и Я.И. Говоров ошиблись в виде ранения. Уже потом в итоговом донесении врачи указали, что П.И. Багратион «...получил рану на середине берцовой кости левой ноги, причиненную черепком чиненого ядра» [6]. «Чиненка» — это сферический полый снаряд, заполненный порохом, при взрыве которого образовывалось множество осколков. Он взрывался на земле или в воздухе близко от противника, поэтому в отличие от пули, выпущенных, чаще всего, издали, осколки, обладая высокой кинетической энергией, наносили глубокие и тяжелые повреждения. Но непосредственно в день Бородинского сражения врачи посчитали: ранение пулевым. Имеется документальное доказательство этого. Приводим фрагмент донесения М.И. Кутузова Государю Императору, отправленного после сражения 8 сентября (27 августа) *.

«Войска Вашего Императорского Величества сражались с неимоверною храбростью: батареи переходили из рук в руки и кончилось тем, что неприятель нигде не выиграл ни на шаг земли с превосходными своими силами... К сожалению, Князь Петр Иванович Багратион **ранен пулею** в левую ногу» [23].

О характере ранения М.И. Кутузов мог знать только из докладов подчиненных, и в частности Я.В. Виллие, который, как Главный медицинский инспектор по Армии, должен был докладывать о санитарных потерях армии. И раз М.И. Кутузов в своем донесении сообщил о пулевом ранении П.И. Багратиона, значит, так ему и было доложено.

Ошибка врачей, возможно, была обусловлена тем, что осколок, прежде, чем войти в ткани, прошел через коженное голенище сапога, которое и забрало на себя часть кинетической энергии ранящего снаряда. Поэтому врачи, увидев «поелику наружное малое отверстие оной, скрывало раздробление берцовой кости и повреждение кровеносных сосудов и нервов» [6] и не найдя при ревизии инородный предмет при зондировании, решили, что это была пуля. А об осколке ядра стало известно, только через 13 дней, 20 (8) сентября, когда его увидели, выполнив расширение раны.

Очень трудно рассуждать о не выполненной врачами иммобилизации раненой конеч-

* — в скобках указывается дата по старому стилю.

ности. Нигде, ни в одном источнике о ней вообще не упоминается. И это странно. Именно, на врачей развозных госпиталей возлагалась обязанность выполнения иммобилизации [18], для этого у них имелись «готовые аппараты к перевязке переломов и после операции, разного рода повязки, кроме бандажей, головные, грудные, брюшные, плечевые, а равно хирургические инструменты, пластыри, нужные мази, примочки, лубки, шелк и т. д.» [24]. Поэтому у Я.В. Виллие были все возможности произвести иммобилизацию конечности П.И. Багратиону. Здесь ни тяжесть пациента, ни неблагоприятная военная ситуация не могли воспрепятствовать. Объяснения может быть два. Лубки были все же наложены, но врачи не посчитали необходимым об этом указывать, как о само собой разумеющемся. Ведь не описывают они нигде детально и применяемую бинтовую повязку. Даже после того, как 20 (8) сентября была выполнена операция, в результате которой достоверно выявлен «совершенный перелом» [6], врачи не пишут о проведенном шинировании конечности. Но ведь они его должны были выполнить, перелом диагностирован. При втором варианте, иммобилизация не проводилась, разумное объяснение действий Я.В. Виллие может быть следующим. Врач при осмотре не выявил косвенных признаков перелома. Явно, удалив отломок кости из раны, он должен был целенаправленно оценить состояние костей конечности. Однако ни деформации, ни изменения длины конечности, ни патологической подвижности, ни крепитации выявлено не было. Поэтому он, возможно, не посчитал необходимым производить иммобилизацию. Путаницу в данный вопрос вносит и тот факт, что изначально врачи признавали наличие «несовершенного», т.е. неполного перелома. И его они не могли не диагностировать: имелся достоверный признак — из раны извлечен костный отломок. Так была произведена иммобилизация или нет? Вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Можно высказать еще одну версию. Врачи, лечившие П.И. Багратиона, пишут о повреждении берцовой кости. Однако нигде нет точных указаний, какая кость повреждена — большеберцовая или малоберцовая. Это уже в современных источниках авторы почему-то решили, что повреждена большеберцовая кость [1, 2, 4]. Учитывая положение всадника в седле в момент ранения, с одинаковой вероятностью можно предполагать об изолированном повреждении как большеберцовой, так и малоберцовой кости. При втором варианте следует принять во внимание известный факт: повреждение малоберцовой в проксимальной

части не сопровождается смещением, т.к. сохраненная большеберцовая сама выполняет роль шины и не позволяет произойти смещению отломков как в момент травмы, так и в последующем. В случае если Я.В. Виллие увидел, что повреждена малоберцовая кость, а по характеру ранения он должен был это понять, невыполнение им иммобилизации становится понятным, в ней нет особой необходимости. Что касается выявления «совершенного» перелома во время расширения раны 20 (8) сентября, то увиденное врачами расхождение отломков уже могло быть обусловлено не вторичным смещением, а развившимся остеомиелитом и лизисом свободно лежащих костных фрагментов. При таком варианте, упреки врачам о невыполнении иммобилизации тоже выглядят необоснованными. Она ничего не решила. Кроме того, следует отметить, что лубки и другие приспособления, применяемые в то время для иммобилизации, не обеспечивали достаточной неподвижности костных отломков. Мы не смогли пока доказать данную версию, но и отвергнуть ее нет серьезных оснований. Может, открытие все новых документов того периода позволит или подтвердить или отвергнуть ее.

Приведем еще один важный документ, который, по нашему мнению, подтверждает многие высказанные положения. 8 сентября (27 августа) П.И. Багратион из Можайска надиктовал и оправил письмо Александру I. «Хотя, всемиловейший государь, в деле 26-го и я **довольно не легко** ранен в левую ногу **пулею с раздроблением кости**; но нималейше не сожалею о сем, быв всегда готов пожертвовать и последнюю каплю моей крови на защиту отечества и августейшего престола; крайне однако ж прискорбно одно только то, что я в сие важнейшее время остаюсь в невозможности далее показать мои услуги...» [23].

Ценность данного документа заключается в том, что он написан задолго до того момента, когда стал ясен исход ранения и врачи сформулировали свое заключение. Поэтому, на наш взгляд, он наиболее достоверно отражает понимание характера ранения, которое сложилось у врачей в день сражения. Как видно, сам П.И. Багратион ранение оценивает как тяжелое, указывает, что рана пулевая и с раздроблением кости. Но все это он мог знать только исходя из того, что ему сказали врачи. Значит, они в основном правильно оценили характер повреждения и состояние пациента. Ошибка была только в определении вида ранящего снаряда. В отношении проведенных лечебных мероприятий можно сказать, что

выполнялись они врачами с учетом состояния пациента и военной ситуации, сложившейся на тот момент сражения.

Можайск-Москва

От Бородинского поля до Можайска около 12 верст. Это практически половина суточного перехода конного транспорта. Поэтому, только к вечеру П.И. Багратиона привозят в город. «Уже было темно, когда подъехала к нам дорожная коляска, в которой везли князя один из его адъютантов и слуга, родом пьемонтца, находившийся при нем с Итальянского похода 1799 года. Для него отыскивали более просторное помещение, и я не имел отрады увидеть славного воина, который постоянно был ко мне благосклонен. Я слышал только его стоны, причиняемые раной и толчками закрытой со всех сторон кареты, в которую его уложили почти в бессознательном состоянии» [5]. Полководца размещают в одном из трактиров, где был развернут подвижной госпиталь. Здесь уже находился И.И. Гангарт. Его воспоминания, опубликованные в журнале «Сын Отечества» в 1813 г. [25], переполнены эмоциями человека, который, несомненно, не просто любил, а обожал П.И. Багратиона. Однако с медицинской точки зрения они очень малоинформативны. По крайней мере, по нахождению раненого полководца вечером в Можайске интерес может представлять только одно упоминание И.И. Гангарта. «Едва успел я прийти в память, мне сказали, что привезли раненого Князя! Желая принести ему мою благодарность, за спасение моей жизни в такое время, когда благо Отечества на весах было, я притащился к одру его, взглянул на раненого, бледного героя... Сердце мое, мое раздранное сим зрелищем, лишило меня последних сил исполнить сей священный долг. Князь пожал мне руку и сказал: «теперь должно нам ехать лечиться вместе» [25]. Такое описание главного медика 2-й Западной армии может свидетельствовать о том, что состояние П.И. Багратиона было вечером 7 сентября (26 августа) тяжелым.

В Можайске были развернуты подвижные госпитали 1-й линии. Каждый госпиталь придался конкретному корпусу, соответственно, они так и нумеровались, чтобы раненые четко знали, куда им направляться. Наиболее вероятно П.И. Багратиона и И.И. Гангарта привезли в подвижной госпиталь 8-го пехотного корпуса, который и сражался в районе семеновских флешей. Согласно «Положению о развозных и подвижных госпиталях армии»

[17] в подвижных госпиталях 1-й линии раненые лечились в течение суток, но именно здесь кроме выборочных перевязок должна была выполняться хирургическая обработка и «операции пострадавшим, не подвергавшимся таковым в развозных госпиталях» [18]. Возможно, после ночного отдыха, на следующий день уже в спокойных условиях полководца врачи бы осмотрели снова и произвели полноценную хирургическую обработку. Но обстоятельства оказались против П.И. Багратиона, неблагоприятное развитие военной ситуации внесло коррективы в процесс лечения.

К вечеру, когда Бородинское сражение прекратилось, стало ясно, что русская армия выстояла. У высшего русского командования даже появились победные настроения и некоторые иллюзии, М.И. Кутузов отдал приказание командующим 1-й и 2-й армий М.И. Барклаю-де-Толли и Д.С. Дохтурову привести войска в порядок и готовиться к продолжению сражения на следующий день. Но постепенно, по мере получения информации из всех корпусов картина начала представляться ужасающей. Реальные потери существенно превысили все предположения. Русская армия потеряла практически половину своего исходного состава. «Были батальоны и роты, истребленные почти целиком. Были и дивизии, от которых осталось в конце концов несколько человек. Были корпуса, больше походившие по своей численности уже не на корпуса, а на батальоны» [15]. Осознав к ночи, что не может быть речи о продолжении битвы, М.И. Кутузов отдал приказ войскам отходить под покровом темноты в направлении Можайска. Уже в четыре часа утра с Бородинских позиций начали сниматься последние русские части, входящие в арьергард и обеспечивающие прикрытие отхода главных сил армии. При этом, как писал сам М.И. Кутузов: «Раненые и убитые воины остались на поле сражения без всякого призора...» [22].

Согласно диспозиции, русская армия уходила с Бородинского поля по двум дорогам, Старой и Новой Смоленской. Пройдя Можайск, войска к концу дня остановились лагерем у деревни Жуково, в шести верстах восточнее города. Арьергард, возглавляемый атаманом М.И. Платовым, еще в 10 часов утра занял оборонительные позиции перед Можайском. М.И. Кутузов приказал М.И. Платову держаться «как можно долее для выигрыша времени и отправления раненых, коими были наполнены дома и улицы по недостатку подвод для перевоза их» [22]. Наполеон, поняв утром, что произошло, приказал маршалу И.-

Н. Мюрату спешно наступать на Можайск и выбить оттуда русские войска. Авангард Мюрата подошел к Можайску в три часа дня и сразу начался артиллерийский обстрел русских позиций. Однако взять город сходу французы не смогли.

Утром 9 сентября (28 августа) И.-Н. Мюрат возобновил наступление, войска арьергарда М.И. Платова, не выдержав натиска, оставили позиции у Можайска. Основные силы также продолжили отступление, к вечеру они отошли еще на 18 верст по направлению к Москве. Столь быстрый отход русской армии имел печальный итог, в Можайске по разным оценкам было оставлено от 7 до 10 тысяч раненых, которых просто не успели эвакуировать [22, 26]. Раненого П.И. Багратиона вывезли из Можайска утром 8 сентября (27 августа), разумеется, о выполнении в такой обстановке оперативно-во вмешательства не могло быть речи.

В начале пути происходит событие, требующее внимания. Князь уже с дороги посылает своего адъютанта за Я.И. Говоровым. Найти врача особой трудности не представляло. Главные силы русской армии уже были у Можайска, но, несмотря на поспешность, отступали организованно. Гвардейские полки шли в составе северной колонны вместе с частями 1-й Западной армии. К вечеру, Я.И. Говоров с сопровождавшим его адъютантом, догнали кортеж полководца и с этого момента он не покидал П.И. Багратиона до смерти. Возникает вопрос, почему возникла необходимость забирать простого полкового лекаря в такой момент из части, которой еще предстояли боевые действия? Некоторые авторы высказывают мнение, что обусловлено это симпатией П.И. Багратиона к молодому врачу [5]. Возможно, в последующем у князя и возникли теплые чувства к человеку, который неотступно находился при нем и прилагал все усилия для облегчения страданий. Но 8 сентября решение все же принималось не в результате эмоционального порыва, а на основе рационального подхода. Предстояла долгая дорога до Москвы, после Можайска уже госпиталей не было, на пути располагались только три станции для раненых (через каждые 22-27 верст — в Шелковке, Кубинском и Перхушкине), функции которых заключались в основном в организации отдыха и питания раненых. И.И. Гангарт еще не полностью оправился от контузии, кроме того он не знал характера ранения. Поэтому, разумно было взять с собой врача, который оказывал П.И. Багратиону помощь сразу после ранения, видел рану, присутствовал при перевязке, произведенной Я.В. Виллие, и знал рекомендации

по дальнейшему лечению, несомненно, высказанные главным медиком всей русской армии. Мы так подробно остановились на данном моменте, потому что действия врачей князя в течение последующих дней должны были осуществляться строго в соответствии с тактикой, определенной вышестоящим медицинским начальником.

До Москвы необходимо было преодолеть 120 верст по неустроенным дорогам. Переезд был довольно тяжелым. Вот несколько воспоминаний раненых о перенесенной ими эвакуации. «Мы ехали по бревнам и кочкам. Выбои поделались ужасные; при всяком скачке тележки толчок делался в рану, и боль отзывалась жестоким образом» [27]. Штабс-капитан Ильин «был без ноги и страдал невыразимо от боли, причиняемой от мерзкой, тряской дороги, и уверял клятвою, что менее ощущал боль под операторским ножом» [27].

П.И. Багратиона везли в карете, но это несущественно облегчало его страдания. Кроме того, в ране начал развиваться инфекционный процесс. К вечеру 8 сентября (27 августа) появилась лихорадка, боли в ране усилились, полководец провел бессонную ночь, т.е. появились явные признаки нагноительного процесса. 9 сентября (28 августа) Я.И. Говоров и И.И. Гангарт вечером, выполнив первую перевязку после оказания помощи на поле боя, констатируют появление воспалительных явлений в ране. Следует отметить, что в то время было принято вторую перевязку, при отсутствии кровотечения, производить только через двое суток. Это предусматривалось в «Положении для временных военных госпиталей при большой действующей армии». «Раненые, получив в развозных госпиталях перевязку, обеспечивавшую их на два дня, следуют в подвижные госпитали» [17]. Такая тактика в доантисептический период была осмысленной, она понятна и современным хирургам, именно через 48 часов в ранах начинают проявляться симптомы инфекционного процесса, и бактериально загрязненные раны превращаются в инфицированные. Мы специально акцентировали внимание именно на этом сроке, т.к. это рубеж, до которого П.И. Багратиону могла быть произведена ранняя или отсроченная первичная хирургическая обработка. Ее успешное выполнение позволило бы существенно повысить шансы на выздоровление. Но она не была произведена, и не по вине врачей. Из-за тяжелого состояния князя и неблагоприятного развития военной ситуации, для этого просто не было возможности, ни на Бородинском поле, ни в Можайске.

Русская армия от Можайска отступала стремительно. Наполеон, жаждавший окончательно разбить ее до Москвы, направил вслед за ней резервную кавалерию И.-Н. Мюрата, усилив ее Молодой гвардией, не участвовавшей в Бородинском сражении. Для русской армии опять сложилась критическая ситуация. Натиск войск И.-Н. Мюрата 9-10 сентября (28-29 августа) был настолько сильным, что арьергард постоянно опрокидывался на части главных сил армии, и они никак не могли отойти на безопасное расстояние. Это создавало нервность у русского командования. М.И. Кутузов, недовольный действием арьергарда, даже освободил от командования им атамана М.И. Платова. Однако и М.А. Милорадович, назначенный на эту должность, не смог серьезно исправить ситуацию, пока сам И.-Н. Мюрат 11 сентября (30 августа) перестал преследовать русский арьергард. Предполагается, что он решил не провоцировать русскую армию на дальнейший отход к Москве и задержать ее как можно дольше на Смоленской дороге. Но русское командование, удивленное снижением активности французского авангарда, осознано наличие новой опасности. Корпус вице-короля Итальянского Е. Богарне, наступающий севернее через Рузу и Звенигород, мог обойти русскую армию и отрезать ее от Москвы. Кроме того, 5-й корпус Ю. Понятовского двигался южнее, перекрывая пути отступления на Калугу. Русская армия и двигалась форсированными маршами к Москве, преодолевая в день от 18 до 25 верст.

П.И. Багратион обогнал отступающую армию всего лишь на полтора дня. Он прибыл в Москву 11 сентября (30 августа), а войска главной армии 13 (1) сентября к полудню начали вставать биваками у города, в двух верстах от Драгомилловской заставы. Такое быстрое движение армии к Москве не позволяло, какими бы не были мучительными переезды, остановиться П.И. Багратиону хотя бы на один день для отдыха. Поэтому, врачи все возможное делали в дороге. Однако следует отметить, что активизации действий врачей в тот момент уже не требовалось. Время выполнения первичной хирургической обработки упущено, в ране начал развиваться гнойно-воспалительный процесс. 10 сентября (29 августа) врачи вечером, во время перевязки, увидели, что рана нагноилась, из нее выделилось большое количество гноя. Однако они, как и в предыдущий день, не высказывают особого беспокойства. Для них процесс развивается закономерно. В тот доантисептический период все без исключения раны заживляли через нагноение. Кроме того, врачи считали, что ранение пулевое,

а при их лечении допускалось не выполнять удаление пуль. Врачи нередко ждали, пока наступит нагноение и пуля выйдет сама при очищении раны. Такой пример лечения мы привели во второй части работы [8].

Однако, 11 сентября (30 августа) сразу по прибытии в Москву врачи, видя нарастание симптомов интоксикации и усиление болей в ране, сообщили П.И. Багратиону о намерении пригласить на консилиум московских специалистов [9]. То, что лечащие врачи предлагают провести консилиум, может свидетельствовать об их понимании необходимости активизации тактики лечения, но осознавая, какой перед ними пациент, они стремятся заручиться поддержкой московских светил.

При содействии Генерал-губернатора Москвы графа Ф.В. Ростопчина, который посетил П.И. Багратиона вечером, в день прибытия полководца в город, консилиум состоялся 12 сентября (31 августа) [6]. Утром, после осмотра, на перевязке совместно с заведующим кафедрой хирургии Московского университета, профессором Ф.А. Гильдебрандтом, стала очевидной необходимость выполнения вмешательства. «...Вошел в состояние болезни и всех припадков, предположили, что лихорадка происходит от скрывающегося в ране инородного тела, а может быть перелома самой кости. Общие наши догадки, наконец, подтвердились самым опытом. Надобно было приступить к большому разрезу раны» [6]. Абсолютно нет никаких объяснений, почему вмешательство не было выполнено в этот же день. Возможно, П.И. Багратион не принял окончательного решения, или врачи решили дать отдохнуть князю и подготовиться к операции. Известно только, что князь сказал после консилиума Ф.А. Гильдебрандту: «Я не сомневаюсь в искусстве моих докторов; но мне желательно, чтобы Вы все меня совокупно пользовали» [9]. Кроме того, «день сей Князь провел веселее против прежнего» [9]. Такая неспешность врачей может быть объяснена только тем, что они 12 сентября (31 августа), как и многие москвичи, верили заявлениям М.И. Кутузова и Ф.В. Ростопчина о невозможности сдачи Москвы. Однако на следующий день 13 (1) сентября судьба опять отвернулась от П.И. Багратиона, в очередной раз существенно снизив шансы на успешный исход.

13 (1) сентября подходящие русские войска в первой половине дня начали занимать позиции в излучине Москвы-реки и Воробьевых горах согласно диспозиции, составленной генералом от кавалерии графом Л.Л. Беннигсеном. Высший командный состав собрался на

Поклонной горе, осматривая предполагаемое поле сражения. В преддверии второй битвы, как бы себя ни чувствовал П.И. Багратион, ему было не до врачей и их планов. По свидетельству очевидцев, он в этот день активно принимал различных посетителей. Однако к вечеру пришли плохие известия. На военном совете, состоявшемся в 5 часов пополудни в Филях, М.И. Кутузов, выслушав приглашенных командующих, внезапно оборвал заседание объявив: «Я приказываю отступление ввиду опасности, данной мне государем и отечеством» [15]. Вопрос был решен, армия начала сниматься с биваков, и за три часа до полуночи первые части начали входить в город. Встал вопрос об эвакуации П.И. Багратиона.

Москва – Симы

Всю ночь и следующий день 14 (2) сентября русские войска проходили через город от Драгомилловской к Коломенской заставе. Передовые части французского авангарда И.-Н. Мюрата начали входить в Москву, когда еще не все русские войска прошли через город. К Тверской заставе подошли передовые части вице-короля Е. Богарне, к Калужской – корпуса Ю. Понятовского. Возникла опасность начала сражения прямо в городе. Командующий русским арьберггардом генерал М.А. Милорадович послал к И.-Н. Мюрату парламентаря с предупреждением, что, если французские части нападут, то разразится бой, в котором русские будут биться как на улицах Смоленска и город будет сожжен. В результате было устно заключено временное перемирие. М.И. Кутузов передал через М.А. Милорадовича письмо начальнику главного штаба Наполеона маршалу Бертье, в котором уже традиционно поручалось покровительству французам 9 тысяч русских раненых, которых не могли вывезти из Москвы.

Кортеж П.И. Багратиона покидает Москву 14 (2) сентября в 9 часов утра. Необходимое вмешательство так и не было выполнено, т.к. «сего нельзя было учинить как по причине продолжавшегося еще воспаления раны и жестокой лихорадки, так и май более от неприятельских движений на Москву...» [6]. Возможно, именно в этот момент была совершена роковая ошибка, которая лишила всех шансов П.И. Багратиона. Но ее допустили не врачи. Князь решает ехать не в сторону Рязани, куда по плану М.И. Кутузова отходила армия, а во Владимирскую губернию, в село Симы. Как показал дальнейший ход событий, если бы П.И. Багратиона эвакуировали в сто-

рону Рязани, он уже через сутки-двое оказался бы в полной безопасности, и в условиях одного из госпиталей ему могла быть выполнена спасительная операция. Но князь выбрал другой путь. От Москвы до села Симы 6 дней по осеннему бездорожью. Кроме того, в первые дни пути серьезно опасались попасть в руки конным французским отрядам. И эта опасность была реальной. Северо-восточнее Москвы, из регулярных войск, находился только немногочисленный Отдельный летучий кавалерийский отряд генерала Ф.Ф. Винцингероде. 15 (3) сентября главнокомандующий приказал Ф.Ф. Винцингероде перекрыть Ярославскую и Тверскую дороги, на Владимирской остался один казачий пост.

Почему князь П.И. Багратион решил ехать в Симы, а не в сторону Рязани вместе с отступающей армией, так и осталось неясным. Формальный повод – Симы имение его близкого друга князя Б.А. Голицына. Реально – П.И. Багратион уезжает в глухую деревню, удаляясь от театра военных действий. Как отмечают и Я.И. Говоров, и И.И. Гангарт после отъезда из Москвы полководец находился в угнетенном состоянии, что, несомненно, ухудшало его общий статус. Врачи объясняют развившуюся депрессию тяжелыми переживаниями князя по поводу сдачи французам Москвы [6, 9, 25]. Кстати, именно эти фрагменты в их воспоминаниях некоторые авторы используют для обвинения врачей в том, что они, объясняя ухудшение состояние полководца психологическими моментами, пытались скрыть свои просчеты в лечении.

Несомненно, П.И. Багратион не мог остаться безразличным к сдаче Москвы и серьезно переживал по этому поводу, так же как и другие генералы, офицеры и обычные солдаты. Сдача Москвы вызвала у всего русского общества потрясение. К слову, по свидетельству очевидцев, и М.И. Кутузов, отдав в Филях приказ об отступлении, ночью неоднократно плакал [15]. В то же время считать, что для П.И. Багратиона это какое-то сверхпотрясение, ошибочно. Он не менее М.И. Кутузова и М.Б. Баркляя-де-Толли понимал вынужденность и целесообразность такого стратегического шага. Более того, известно, что П.И. Багратион знал о подготовке Ф.В. Раstopчина к сожжению Москвы [28]. Нам кажется, что врачи, считая необходимым показать тяжелое психо-эмоциональное состояние князя, несомненно, сыгравшее отрицательную роль и не имея возможности отразить истинные причины, прибегли к объяснению их общепризнанным поводом – сдачей Москвы. Я.И. Говоров

вскользь в своей книге упоминает про «тайные некоторые душевные страдания» [9], которые оказали неблагоприятное влияние на течение заболевания. Что он мог иметь ввиду?

Причин для плохого психо-эмоционального состояния полководца было много. Его армия, доблестно дравшаяся на Бородинском поле, практически была разбита. Катастрофическое положение, сложившееся в зоне действия 2-й армии, было исправлено только благодаря вмешательству его недруга М.Б. Барклая-де-Толли. 9 сентября (28 августа) М.И. Кутузов новым командующим 2-я Западной армии назначает генерала от инфантерии М.А. Милорадовича. Формулировка в приказе «до высочайшего повеления» означала, что командование не ожидает возвращения П.И. Багратиона. При этом ни М.И. Кутузов, ни М.А. Милорадович не нашли возможности сообщить об этом князю. А последовавший царский рескрипт, о назначении командующим 2-я Западной армии генерала А.П. Тормасова, находящегося в это время за тысячу километров на Волыни и являющегося командующим 3-й Западной (обсервационной) армией, только подтвердил, что велась подготовка к упразднению армии П.И. Багратиона. Это в последующем и произошло. Уже перечисленные причины могли психологически надломить легендарного полководца. Кроме того, все это было на фоне недружелюбного отношения к нему Александра I. Доказательств последнего много. За Бородинское сражение М.И. Кутузова царь 12 сентября (31 августа) производит в чин генерал-фельдмаршала и жалует 100 тысяч рублей. П.И. Багратиону никаких наград, только через две недели «некоторое пособие состоянию вашему жалую вам единовременно пятьдесят тысяч рублей» [5], которое он так и не получил. По случаю смерти князя в последующем рескрипт был отменен. Неприязнь императора к П.И. Багратиону была настолько выраженной, что даже после смерти полководца Александр I не смягчил своего отношения к нему. Начальник штаба 2-й Западной армии, генерал-майор Э.Ф. Сен-При в своем рапорте о смерти Багратиона, надеясь, что царь разрешит похоронить его в Санкт-Петербурге, испросил «..высочайшего Вашего императорского величества повеления, где и как совершить погребение с подобающею толико знаменитому герою честию» [29]. Царь, предоставив это «на усмотрение родственников» [5], что, по сути, было отказом. Поэтому великий полководец и был захоронен в сельской церкви в Симах.

Даже о части этих причин душевных стра-

даний П.И. Багратиона после отъезда из Москвы Я.И. Говоров не мог написать в своей книге. Это становится ясно, когда видишь на второй странице издания разрешение цензора Тимковского.

Мы специально остановились на вопросе психо-эмоционального состояния П.И. Багратиона, т.к. это позволяет понять события, которые затем последовали. 14 (2) сентября, после выезда из Москвы, весь день прошел в пути, кортеж стремился как можно быстрее отъехать на безопасное расстояние. Тяжелая дорога и прогрессирование гнояного процесса так ухудшили состояние П.И. Багратиона, что 15 (3) сентября кортежу пришлось остановиться около двух часов дня в Сергиевской Лавре. Князь просто не мог продолжать путь. Врачи предложили П.И. Багратиону прекратить путешествие и не ехать в ближайшее время в Симы. Однако князь отказывается: у него еще нет уверенности, что они достигли безопасных мест. Он несколько успокоился только после того, как его старший адъютант полковник Брежинский сообщил, что разослал часть казаков из сопровождения по окрестным дорогам.

За полтора дня ухудшилось состояние раны. Уже 14 (2) сентября, при вечерней перевязке отмечают появление большого количества «смердящего гноя» и видят глубокую полость. На следующий день, 15 (3) сентября, они констатируют изменение характера гнояного отделяемого, усиливается зловонный запах. Понятно, что уже процесс перешел в гнилостный. Теперь вернемся к «Руководству к лечению огнестрельных ран» Л.-К. Я. Нагумовича [30], уже цитируемому во 2 части нашей работы [8]. Согласно его рекомендациям, в поздние сроки, показанием к ампутации являлись изменения гноя к худшему, наличие сильного зловония при повреждении кости. Что делают врачи П.И. Багратиона, в этой ситуации? 15 (3) сентября, осмотрев князя, на своем консилиуме, они приходят к заключению: «Такое состояние раны заставило нас подумать о решительном, пособии операции отнятии голени» [9], т.е. они выставляют показания к ампутации. Поэтому упреки врачам о несвоевременности принятия решения об ампутации следует снять. Они приняли его в соответствии с существующими в то время правилами.

16 (4) сентября врачи предлагают П.И. Багратиону выполнить операцию: «Мы решились Вам сделать операцию» [9]. На предложение следует категоричный отказ: «Операция? Я уж очень хорошо знаю это средство, к которому Вы прибегаете, когда не умеете одолеть

болезнь лекарствами» [9]. Врачам не остается ничего другого, как продолжать консервативное лечение. Причем они уже говорят о развитии «гнилой горячки», т.е. сепсиса. На следующий день, 17 (5) сентября, вмешательство предлагается повторно. Князю хотят сделать, по крайней мере, расширение раны для ее санации. П.И. Багратион снова отказывается.

Обратил на себя внимание один фрагмент из книги Я.И. Говорова, относящийся к этим дням. Он сознательно или нет, описал один интересный симптом. На предложение, 15 (3) сентября, отложить дальнейший путь в Симы, П.И. Багратион отвечает: «Я должен, если бы то можно было, лететь. Минутное промедление отдаляет от меня спокойствие». Небольшое пояснение: у князя не было своего дома. Еще до войны он распродал все свои владения в Павловске, и Симы, в которых он неоднократно бывал и периодически жил там некоторое время, остались для него единственным родным местом. Вот туда он и стремиться. Очевидно, у П.И. Багратиона появились ностальгические настроения. В том же «Руководстве к лечению огнестрельных ран» Л.-К.Я. Нагумовича указывается: «Душевные страсти, как-то: боязнь смерти, тоска по родине (Nostalgia) и прочее ухудшают предсказание при наилучшем состоянии раны» [30]. Плохой прогноз оправдался полностью. Можно считать, что 16-17 (4-5) сентября это была уже «точка не возврата», после которой на успешный исход рассчитывать было не возможно. Все последующие действия врачей носили паллиативный характер, они только в некоторой мере облегчали страдания полководца.

Подводя итоги рассмотрения истории болезни князя П.И. Багратиона, можно придти к следующим выводам. 7 сентября (26 августа) во время Бородинского сражения князь получает тяжелое осколочное ранение левой голени с повреждением большеберцовой или малоберцовой кости. Выраженная кровопотеря, травматический шок и неблагоприятная военная ситуация не позволили в первые 48 часов врачам выполнить адекватную первичную хирургическую обработку. Развившееся в последующие дни закономерное нагноение раны привело к формированию околораневой флегмоны голени, показание к вскрытию которой было выставлено 12 сентября (31 августа). Однако вмешательство было вынужденно отложено в преддверии ожидаемого второго генерального сражения под стенами Москвы и вследствие последующей быстрой сдачи города французам. Дальнейшее прогрессирование инфекционного процесса сопровождалось

присоединением гнилостной инфекции, что вынудило 15 (3) сентября поставить вопрос о выполнении ампутации. Категорический отказ П.И. Багратиона, 16-17 (4-5) сентября, от предложенного оперативного вмешательства привел к развитию остеомиелита, сепсиса и анаэробного процесса. Оперативное вмешательство — расширение раны, которое разрешил выполнить П.И. Багратион по прибытию в Симы 20 (8) сентября, уже ничего не могло изменить. Выполнение ампутации на следующий день было бессмысленным. Не давая ни малейшего шанса на выздоровление, оно только усугубило бы страдания полководца, поэтому врачи от нее отказались. Смерть П.И. Багратиона 24 (12) сентября была уже закономерной и неотвратимой. Причиной смерти являлись генерализация инфекционного процесса, присоединение анаэробной инфекции, длительная выраженная интоксикация.

Врачи, лечившие П.И. Багратиона, добросовестно выполняли свои обязанности и проводили лечение в соответствии с принятыми в тот период принципами, сообразуя их с сложившейся ситуацией. Показания к оперативному лечению выставлялись своевременно, но неблагоприятное положение на театре боевых действий и категорические отказы П.И. Багратиона от оперативных вмешательств не позволили врачам реализовать все имеющиеся возможности. Никаких действенных консервативных методов, которые они могли бы применить для борьбы с прогрессирующим инфекционным процессом, не существовало. Значительные затруднения в процессе лечения создала длительная эвакуация. 10 дней из 17 прожитых полководцем после ранения прошли в переездах.

Почти через 132 года после смерти князя П.И. Багратиона во время другой Отечественной войны, 29 февраля 1944 г., огнестрельное ранение правого бедра с повреждением кости получил командующий 1-м Украинским фронтом генерал армии Николай Федорович Ватулин. В лечении принимали участие главный хирург Красной армии академик Н.Н. Бурденко и его заместитель генерал-лейтенант медицинской службы В.Н. Шаповалов, ход лечения контролировал сам И.В. Сталин. 15 апреля 1944 года Н.Ф. Ватулин умирает через 10 дней после проведенной ампутации. Причина смерти — развившийся остеомиелит бедренной кости, газовая гангрена правого бедра, сепсис. Через 130 лет врачи, в арсенале которых уже были методы антисептики, общего и местного обезболивания, переливания крови, не смогли в похожей ситуации спасти жизнь советскому

полководцу. Так какие упреки можно высказывать врачам, лечившим П.И. Багратиона в 1812 году?

Приблизительно через два месяца, 23 июня 1944 г. после смерти генерала Н.Ф. Ватутина начинается Белорусская наступательная операция «Операция Багратион», в результате которой была полностью освобождена территория Беларуси. Вот такая связь времен и судеб двух легендарных полководцев.

Заключение

Сверив донесения сотских, сельских старост и волостных писарей, чиновники местной полиции подвели трагический итог: «1812-го года, декабря 3-го, всех человеческих и конских трупов на Бородинском поле сожжено: девяносто три тысячи девятьсот девяносто девять» [16]. Так закончилось Бородинское сражение для десятков тысяч воинов русской и французской армий. Но для князя П.И. Багратиона битва за Бородинское поле продолжилась и после смерти.

В 1839 году император Николай I удовлетворил прошение знаменитого героя войны 1812 г, генерала Дениса Давыдова и разрешил перезахоронить прах великого полководца на Бородинском поле. 4 июля 1839 года в селе Симы, при огромном стечении народа из могилы был поднят гроб полководца. Он был вставлен в свинцовый склеп и новую гробницу. Архиепископ Парфений (Владимирский) произнес над прахом: «В день кровавой битвы, во славу героев, положивших на поле Бородинском жизнь свою, совершится торжественная тризна, более ста тысяч Российского воинства облечется во всеоружие, развернет знамена, повторит урок приснопамятной брани. Ты будешь свидетелем, как роковое место обратится в место славы, как откроется величественный памятник, как безмолвно и красноречиво будет завещать и внушать потомству: «Воины России! Здесь пали доблестные Багратион, Кутайсов, Тучков и тысячи героев, пали за честь, за спасение Отечества, они умели побеждать, но умели и принести в жертву и жизнь свою» [5].

5 июля траурный кортеж в сопровождении Киевского гусарского полка через Юрьев-Польский, Александров, Сергиев Пасад, практически по тому же пути, по которому везли раненого П.И. Багратиона, отправился на Бородинское поле. 24 июля гроб захоронили на том месте, где пролилась кровь полководца и погибла большая часть его армии. 26 августа 1839 года рядом с могилой был открыт Глав-

ный монумент героям Бородина. В марте 1932 г. по распоряжению Главнауки, Наркомпроса и Мособлисполкома монумент взрывают, разрушается и гробница «царского сатрапа». Часть останков сохранилось. В 1987 г. к 175-летию Бородинской битвы Главный монумент восстанавливают. 18 августа в торжественной обстановке останки князя П.И. Багратиона опять были преданы земле. Так, несмотря ни на что, он и остался на Бородинском поле там, где на рассвете 7 сентября начинал свое последнее сражение. Он не смог разбить своих врагов, но сам так и остался непобежденным.

25 (13) июля 1812 года у небольшого белорусского местечка Островно началось трехдневное Витебское сражение. Оно примечательно двумя моментами. Во-первых, это было первое крупное сражение в войне 1812 г. Во-вторых, это была первая битва кампании, в которой непосредственно участвовал сам Наполеон. В последующем значимость Витебского сражения померкла на фоне других битв. Но примечательно оно еще одним моментом. В первый день сражения 4-й пехотный корпус русской армии генерала А.И. Остермана-Толстого, перегородив около деревни Островно дорогу на Витебск, в течение 17 часов (с 6 утра и до 11 вечера), отбивал атаки французских войск под командованием маршала И.-Н. Мюрата. Уже это первое сражение показало, с каким ожесточением готова биться русская армия. Даже, когда вечером на помощь И.-Н. Мюрату подошла дивизия генерала Дельзона, обеспечив двойной численный перевес французам, русские корпус продолжал удерживать свои позиции. Во время этого кровопролитного сражения А.И. Остерман-Толстой сказал фразу, вошедшую в историю. Когда ему доложили, что полки понесли большие потери от неприятельской картечи, и спросили: «Что делать?» «Ничего, — ответил А.И. Остерман-Толстой, — Стоять и умирать!». Эта фраза, высказанная, казалось бы, по поводу конкретной военной ситуации, имеет гораздо большее значение. Она является лаконичным выражением всей психологии русской армии в той войне. В последующих, в еще более кровопролитных сражениях русские солдаты, офицеры и генералы везде умирали, но стояли. «Стояли и умирали» в Смоленске, на Валутиной горе, на Бородинском поле. В этом они видели свое предназначение, свой воинский долг перед Отечеством. П.И. Багратион был одним из них.

Чем больше мы погружались в события того далеко времени, тем явнее невольно вставал вопрос: «А если бы П.И. Багратион попал в плен, остался бы он жив?». Мы понимаем,

история не имеет сослагательного наклонения и все размышления в стиле «если бы ...» бесперспективны. Однако, учитывая то, что он может возникнуть после прочтения статьи у многих, все же выскажемся по этому вопросу.

В истории войны 1812 г. такие случаи известны. Во время Бородинского сражения при штурме батареи Раевского французы захватили в плен раненого генерал-майора Петра Гавриловича Лихачева. Его привели к Наполеону, который восхищенный доблестью русских воинов, даровал П.Г. Лихачеву шпагу. Русский генерал отказался. Дальше был плен, а 3 января 1813 г. его освободили русские войска из турьмы в Кенигсберге. Генерал остался жив.

Если бы П.И. Багратион попал в плен, ему, несомненно, были бы оказаны все почести, и Д. Ларрей приложил бы все усилия, чтобы спасти русского полководца. Возможно, он и остался бы жив, но вряд ли он остался бы жить в памяти людей, вряд ли бы его именем были названы города, площади, улицы, да и операция по освобождению Беларуси через 132 года во время Великой Отечественной войны носила бы имя другого полководца.

В той ситуации П.И. Багратион сделал свой выбор, он выбрал мучительную смерть и бессмертие.

«Он в область славных воспарил,
к тебе, отец Суворов!»
Василий Жуковский

Великий полководец, генерал от инфантерии, князь Петр Иванович Багратион так и продолжает, спустя 200 лет, службу своему Отечеству. Он учит людей и сейчас любви к Отечеству, патриотизму, высокой нравственности, самопожертвованию и медицине.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдов М. Была ли рана смертельной / М. Давыдов // Наука и жизнь. — 2012. — № 9. — С. 26–33.
2. Ларинский Н. «...Рана была хороша и обещала спасение» / Н. Ларинский // История ранения П. И. Багратиона война [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://webcache.googleusercontent.com>. — Дата доступа : 21.08.2012.
3. Будко А. Легкое ранение со смертельным исходом / А. Будко // Мед. газ. — 20 июля 2012. — № 52.
4. Будко Д. Ю. К вопросу о ранении и смерти П. И. Багратиона / Д. Ю. Будко // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы : материалы X Всерос. науч. конф., Бородино, 3–5 сент. 2001 г. / сост. : А. В. Горбунов. — М. : КАЛИТА, 2002. — С. 58.
5. Анисимов Е. В. Генерал Багратион. Жизнь и война / Е. В. Анисимов. — М. : Молодая гвардия,

2011. — 832 с.

6. Малышева А. Д. Ранение и смерть генерала П.И. Багратиона / А. Д. Малышева, Е. А. Логинова // Совет. медицина. — 1954. — № 6. — С. 41–43.
7. Грицкевич В. П. Оказание медицинской помощи генералу П. И. Багратиону в 1812 г. / В. П. Грицкевич, А. Ф. Мефодовский // Отечественная война 1812 г. Россия и Европа : тез. науч. конф., Бородино, 1991 г. — Бородино, 1992. — С. 12–14.
8. Трудный пациент. Ранение Петра Ивановича Багратиона / С. А. Сушков [и др.] // Новости хирургии. — 2013. — Т. 21, № 1. — Ч. 2. — С. 3–14.
9. Говоров Я. И. Последние дни жизни князя Петра Ивановича Багратиона / Я. И. Говоров // [Электронный ресурс] / Рос. гос. б-ка. — СПб., 1815. — С. 38. — Режим доступа : <http://dlib.rsl.ru/viewer>. — Дата доступа : 20.08.2012.
10. Трудный пациент. Ранение Петра Ивановича Багратиона / С. А. Сушков [и др.] // Новости хирургии. — 2012. — Т. 20, № 6. — Ч. 1. — С. 3–11.
11. Генерал Багратион : сб. документов и материалов / под ред. С. Н. Голубова, Ф. Е. Кузнецова. — ОГИЗ : Гос. изд-во полит. лит., 1945. — 280 с.
12. 1812 год. События 7 сентября. Бородинское сражение. Ход битвы до полудня // Военный обозреватель [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://waronline.info>. — Дата доступа : 10. 09.2012.
13. Ковалевский Н. Ф. История государства Российского: жизнеописания знаменитых военных деятелей XVIII — начало XX в. / Н. Ф. Ковалевский. — М. : Кн. палата, 1997. — 414 с.
14. Залесский К. А. Наполеоновские войны 1799–1815 : биограф. энциклопед. слов. / К. А. Залесский. — Изд-во : АСТ, Астрель, 2003 г. — 832 с.
15. Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию. 1812 год. — М. : Воениздат, 1992. — 304 с.
16. Глинка Ф. Н. Очерки Бородинского сражения (воспоминания о 1812 годе) / Ф. Н. Глинка ; сост. : И. Н. Лышковская. — Смоленск : Свиток, 2008. — 96 с.
17. Будко А. А. Военная медицина России перед Отечественной войной 1812 г. / А. А. Будко, Н. Ю. Бринюк, Д. А. Журавлев // Отечественная война 1812 г. Источники. Памятники. Проблемы : материалы XVII Междунар. науч. конф., Бородино, Можайск, 5–7 сент. 2011 г. — 2012. — С. 209–224.
18. Кузьмин А. А. Некоторый опыт лечения раненых во время Отечественной войны 1812 г. / А. А. Кузьмин // Вестн. воен. ун-та. — 2011. — № 1. — С. 156–60.
19. Российский Д. М. Медицинский факультет Московского университета в дни Отечественной войны 1812 года / Д. М. Российский // Клиническая медицина. — 1953. — № 2.
20. Радожицкий И. Т. Походные записки артиллериста с 1812 по 1816 г. / И.Т. Радожицкий // 1812 г. Война в России. — СПб. : Тип. Лазаревых ин-та Восточ. яз., 1835. — Ч. 1. — 286 с.
21. Виллие Я. В. Краткое наставление о важнейших хирургических операциях / Я. В. Виллие. — СПб., 1806. — С. III. — 167 с.
22. Федоров В. Н. Можайск в Отечественную во-

- йну 1812 г. / В. Н. Федоров // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы : материалы IV и V Всерос. науч. конф., Бородино, 1995–1996 гг. – Бородино, 1997. – С. 116–128.
23. Бородино. Документы, письма, воспоминания. Под ред. Л.Г. Бескровного, Г.П. Мещерякова. – М. : Совет. Рос., 1962. – 412 с.
24. Медицинская энциклопедия. Медицинская служба в отечественную войну 1812 г. Эвакуация и лечение раненых и больных // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.medical-enc.ru>. – Дата доступа : 11.11.2012.
25. Гангарт. Кончина князя Багратиона / Гангарт // Воспоминания о 1812 годе. – 1813. – Ч. 4. – № 9. – С. 227–228.
26. Ложье Ц. Дневник офицера Великой армии в 1812 году / Ц. Ложье. – М. : Правда-Пресс, 2005. – Сер. Библиотека мемуаров. – 280 с.
27. Харкевич В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников : материалы воен.-учебного арх. гл. штаба / В. И. Харкевич. – Кн. II, вып. 4. – СПб. : Альфарет, 2012 – 324 с. (Репринтное изд. 1900–1907 гг.).
28. Ростопчин Ф. В. Письмо Графа Ф. В. Ростопчина к Князю П. И. Багратиону от 12 августа 1812 г. / Ф. В. Ростопчин // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikisource.org/wiki>. – С. 53–55.
29. Сен-При Э. Ф. Всеподданнейший рапорт Начальника Главного Штаба 2-ой Западной Армии генерал-адъютанта Графа Сен-Приот 14 сентября 1812 г. / Э. Ф. Сен-При // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ru.wikisource.org/wiki>. – С. 64–65.
30. Нагумович Л. Руководство к лечению огнестрельных ран по правилам, предлагаемым знаменитыми в Европе хирургами / Л. Я. Нагумович. – Поход. тип. гл. штаба 1-й армии, 1822. – 7 с.

Адрес для корреспонденции

210023, Республика Беларусь,
г. Витебск, пр. Фрунзе, д. 27,
УО «Витебский государственный
медицинский университет»,
кафедра общей хирургии,
тел. раб. +375 212 37-80-82,
e-mail: sergery@nm.ru
Сушков Сергей Альбертович

Сведения об авторах

Сушков С.А., к.м.н., доцент, проректор по научно-исследовательской работе УО «Витебский государственный медицинский университет».

Небылицин Ю.С., к.м.н., доцент кафедры общей хирургии УО «Витебский государственный медицинский университет».

Реутская Е.Н., студентка 6-го курса лечебного факультета УО «Витебский государственный медицинский университет».

Рак А.Н., студентка 6-го курса лечебного факультета УО «Витебский государственный медицинский университет».

Поступила 25.12.2012 г.